

Когда я поняла, что все люди — идиоты? Если честно, давно. Кажется, я уже родилась с этим знанием. Наверное, в детстве еще сомневалась — ну не могут же быть абсолютно все взрослые такими... неразумными, не способными хоть немного рассуждать здраво и смотреть хотя бы на полшага вперед. Нет, все живут сегодняшним днем и действуют по принципу «сгорел сарай — гори и хата». Но, видимо, меня окружали именно такие люди — не пользующиеся мозгами даже на один процент, совершающие лишенные всякого смысла поступки. Поддающиеся сиюминутным желаниям, не задумываясь, к каким последствиям они приведут. Но хотя бы риски ведь оценить можно?

Начнем с меня. Мне пятнадцать лет, я считаюсь трудным подростком лишь потому, что мне пятнадцать. И не важно, как я при этом себя веду. А веду я себя очень спокойно. Предпочитаю читать книги и слушать классическую музыку. Если бы вы послушали то же, что и некоторые взрослые, тоже перешли бы на Чайковского.

Маша Трауб

В школе я считаюсь тихоней. Не зубрилой, не ботаном — просто некой тенью, которая занимает третью парту в ряду у стены. Учителя про меня вспоминают, только если наткнутся в журнале на фамилию. А так... все внимание обычно сосредоточено на тех, кто сидит у окна и посередине. Так уж устроен человеческий мозг — замечает то, что справа, а слева уже не столь важно. Кажется, даже учителя так и не смогли поставить мне диагноз. Если спрашивают — я всегда отвечаю, если не спрашивают — молчу. Тесты и контрольные пишу прилично, на списывании меня никогда не ловили. Я не яркая, не наглая, не шокирую внешним видом. Обычная, среднестатистическая девочка из тех, кого не запоминаешь ни с первого, ни со второго взгляда.

Меня зовут Таисия. Тася, Туся, Тая, Ася... Как меня только не называют. Какое редкое имя! Ну не такое уж редкое, учитывая, что в нашем классе есть Анна-Мария, Аврора и Зоя... Зайдите в класс к первоклашкам — вообще имена никогда не выучите. Почему мама меня так нарекла — а это была исключительно ее инициатива? Потому что во время беременности ей в руки попала книга «Таис Афинская». Мне, можно сказать, повезло — мама под впечатлением назвала меня в честь... э... гетеры... то есть проститутки, но не самой, так сказать, известной. А вдруг бы ей в руки попала другая книга? Тогда бы меня назвали Сонечкой, На-

Все, что произошло в отеле

ной или Маргаритой. Лучше уж Таисией. Спасибо женщине в ЗАГСе, которая в свидетельстве о рождении записала именно так — Таисия, а не Таис, на чем настаивала моя родительница. Та милая женщина сказала, что такого имени нет, записать именно так она не имеет права, поэтому запишет как положено. В подростковом возрасте я прочла «Таис Афинскую», она мне совершенно не понравилась, и я все гадала: а мама вообще поняла, что назвала меня в честь проститутки?

Есть еще одна проблема. Некоторые девочки в пятнадцать выглядят как.. Ну они и набоковскому Гумберту показались бы староватыми и перезрелыми. А у меня мальчишеская фигура. Видимо, пошла в отца. Иногда ловлю взгляд мамы в зеркале. В нем читается жалость, что ли. Да, я не могу похвастаться роскошной грудью, как моя родительница, у которой это предмет гордости. Грудь у меня, конечно, есть, но мама как-то заметила, что таких, как я, раньше называли «доска два соска» или «плоскодонка». А еще «волшебница». Потому что, если поднять руки, грудь исчезает. Вот и скажите мне, что это не полный идиотизм. Мама еще смеялась, как смеются хорошей шутке.

— Тебе не понять, — хмыкнула она, когда я спросила, что смешного-то. Пошлость и тупость. Я уж молчу про то, что слышать подобные замечания от собственной матери, скажем так, неприятно.

Маша Трауб

Я достаточно высокая для своего возраста и худая. «Проще убить, чем прокормить» — любимое замечание моей родительницы, хотя ем я мало на самом деле. Поскольку я эту фразу слышала с раннего детства, к подростковому возрасту у меня выработался стойкий иммунитет на нелестные замечания о моей внешности. Мама же — мягкая во всех местах. Если она смеется над моей фигурой, то зачем запихивает себя в утягивающие панталонны? Стесняется своего живота и бедер? Однажды она поймала мой взгляд в зеркале и отреагировала резко:

— Я выносила и родила тебя! Поэтому у меня есть живот! И растяжки на бедрах! Вот посмотри, чем ты меня наградила!

Она стянула панталонны и продемонстрировала исполосованные растяжками и целлюлитом ноги. Мне хотелось сказать, что я никак не повинна в своем появлении на свет, но, как всегда, промолчала. Мама же решила, что я как-то неправильно отреагировала и швырнула в меня панталоннами. Я не ожидала, не успела увернуться... Знаете, когда тебе в лицо прилетают материнские панталонны, это не больно, конечно же, но кажется, что всё. Черта пройдена. За край уже заступили, и назад пути нет. Может, дело именно в нижнем белье, может, в том, что панталонны прилетели в лицо, — не знаю. Но именно в тот момент я поняла — всё. Невозможно ни простить, ни принять. Мама этого

Все, что произошло в отеле

не почувствовала: собираясь на встречу, которую она всегда называла рабочей, как прежде, заходила ко мне в комнату и вертелась перед зеркалом. В моей комнате в шкафу зеркало было в полный рост, а в ее — небольшое. Я не понимала, почему нельзя поменять шкафы, и несколько раз предлагала это сделать.

— Я тебе что, мешаю? — возмущалась мама.

— Нет, но так будет удобнее. Тебе, — отвечала я, вместо того чтобы ответить честно: да, мешаешь, даже очень.

— Как я выгляжу? — спрашивала мама, будто я была ее подругой.

— Нормально, — пожимала плечами я, сидя над домашним заданием.

— Это ты от зависти, да? — тут же срывалась мама. И вот как я должна была объяснить взрослому человеку, собственной матери, что у нас с ней иные связи? Родственные. Мать и дочь. Мы не соперницы, не подруги, не знакомые. Это я в своем подростковом возрасте должна спрашивать, как я выгляжу, а не она. Это она должна обо мне заботиться, а не я о ней, каждое утро готовя завтрак на двоих — себе и ей.

— Тебе что, сложно сварить еще одно яйцо? — искренне не понимала мама, когда я ей однажды на это намекнула.

Или мне надо было напрямую сказать ей, что мать не должна выглядеть как... гетера, а именно

Маша Трауб

так она и выглядела, собираясь на встречи? Что мне, может быть, как минимум неловко наблюдать, как она собирается и уходит, и слышать, как возвращается, иногда не одна? Мама считала меня достаточно взрослой для того, «чтобы понимать ситуацию», как она выражалась.

— Я еще молодая женщина! — кричала она. — Ты должна меня понимать.

Да, наверное. Но не понимала. Как можно было связываться с такими идиотами? Как можно ложиться с ними в одну постель? А мама выбирала исключительно идиотов, что подтверждало мою теорию. Умные люди — исключение из общего правила. Счастье, если тебе встретится умный человек.

Моя родительница была убеждена, что я отстаю в развитии. Она имела в виду и физическое, и умственное. Про физическое замечала с нежной жалостью в голосе, что «может, грудь еще и вырастет немного». Или что «некоторым мужчинам такое нравится, вдруг и замуж сможешь выйти». Эту фразу она произносила, имея в виду исключительно маньяков и извращенцев. Потому как нормальному мужчине, с ее точки зрения, маленькая грудь нравится не может. Или «ну мало ли сумасшедших... вдруг вы и встретитесь». Это уже относилось к тому, что мне, возможно, попадется на пути маменькин сыночек, непременно очкарик с жирными, невымытыми волосами, жалкой боро-

Все, что произошло в отеле

денкой, бледный и тощий, или, наоборот, упитанный, как поросенок, зато начитанный, как и я. То есть не от мира сего.

Личного счастья она мне если и желала, то явно не с принцем на белом коне. Мол, довольствуйся хоть кем-то — и то радость. Обижалась ли я не нее? Нет. У каждого свое представление о прекрасном. Мне вот ее Пашечка — предпоследний поклонник — казался маньяком: взгляд бегающий, глазки маленькие, собранные в кучку на переносице, лицо со следами подросткового акне, подбородок безвольный. Пашечке, как называла его моя мама, явно стоило почаще принимать душ и получше промывать свои жирные космы, разметанные по плечам. Моя родительница находила его романтичным и тонко чувствующим. Ну у каждого свой принц.

Зачем я об этом рассказываю? Чтобы вы поняли — дети видят больше, чем вы, взрослые, думаете. И слышат тоже, кстати. А часто и лучше соображают. Если человек сидит и молчит, его рано или поздно начинают принимать за тумбочку. Если он в какой-то момент открывает рот, чтобы сказать, например, «спасибо» или «доброе утро», смотрят так, будто тумбочка вдруг заговорила.

Когда у меня спрашивают, сколько мне лет, и слышат, что пятнадцать, быстро отстают с разговорами, будто я заразная. Взрослые очень боятся подростков. Они считают нас неадекватными

Маша Трауб

«от слова “совсем”», как иногда выражается моя родительница, и этот оборот меня не просто раздражает, а бесит. Как и выражения мамы моей лучшей подруги Ники. Та просто обожает говорить «я в ресурсе» или «я не в ресурсе». Но она — психолог, так что я списываю это на профессиональную деформацию. О Никиной матери я расскажу чуть позже. Так вот, товарищи взрослые, подростковые взрывы эмоций, категоричность, а точнее честность, кажущиеся вам странностями в поведении, не передаются воздушно-капельным путем, как простуда. Или ветрянка, например. Еще раз повторяю — не все подростки мечтают набить себе татуху на лице, ходят с лезвием в кармане, чтобы нанести себе порезы, не все употребляют наркотики и завтракают энергетиком, заедая чипсами. Я же говорю: люди — идиоты.

Опять же вот моя мать. Поверьте, я никак не хочу ее обидеть, это просто констатация факта. Иначе зачем она покупает мне заколку в виде цветочка? Или лак для ногтей розового цвета? Преподносит так, будто живого единорога в квартиру привела. Я говорю спасибо. Не могу же я объяснить собственной матери, что мне уже не пять лет. И единорогов, кстати, терпеть не могу. Мама же, покупая очередную пижаму, густо усеянную единорогами, будто сбжавшими из психлечебницы, уверена в обратном. Она все-таки удивительная женщина. Иногда я ею даже восхи-

Все, что произошло в отеле

щаюсь. Точнее, ее умением не замечать того, что находится под носом. Перед этой поездкой я сделала на руке временную татуировку: переводилку, которая выглядит как настоящая и держится две недели. Первое время скрывала под рубашкой с длинными рукавами, все еще надеясь, что моя родительница поведет себя как нормальная мать. Заломит руки, например. Зальется слезами. Прочтет нравоучительную лекцию. В Москве тогда стояла адская жара, все ходили чуть ли не голыми, а я — в рубахе с длинными рукавами. Потом мне надоело париться — в прямом и переносном смысле этого слова, — и я надела футболку. Но моя родительница ничего не заметила. Интересно, она знает, что такое переносное значение слов? Мне кажется, нет. У нее вообще плохо с аллюзиями, ассоциациями, я уж не говорю про игру слов или юмор, который требует хоть какого-то шевеления извилин. Нет, не подумайте. Я люблю свою мать в той мере, в какой ее может любить дочь-подросток, которую считают «наказанием всей жизни». Я ей благодарна за то, что она подарила мне жизнь. Она любит мне это напоминать с невыносимым пафосом, которого даже не замечает: «Я же подарила тебе жизнь!» Я не считаю ее худшей матерью на свете — она, во всяком случае, не оставила меня в доме малютки и не отправила в детский дом, хотя вполне могла, с нее станется. «Я дала тебе все, что могла!» — иногда кричит она,

Маша Трауб

и я в это верю. Да, действительно, все, что могла. Не дала умереть с голоду, это да. Не заставила скитаться по улицам — тоже спасибо огромное. Пусть и в самый последний момент записывала в детский сад, школу. Так что, можно сказать, обеспечила мне стандартное образование.

— Когда же тебе исполнится шестнадцать?

Мама задавала этот вопрос приблизительно с моих шести лет. В детстве я очень пугалась, не зная, что должно произойти именно в шестнадцать: уколюсь о веретено и усну беспробудным сном? Буду спать в хрустальном гробу? Став старше и прочитав некоторое количество книг, я думала, что мама боится моей смерти в родах, что часто случалось с героинями в романах. Или что меня обесчестят, я «принесу в подоле», окажусь на паперти. Проблема была в том, что я не до конца понимала значение слова «обесчестить» и кого и куда я должна «принести в подоле». Ну и паперти в нашей округе не наблюдалось. Еще спустя некоторое время я задала маме вопрос в лоб, почему она так ждет моего совершеннолетия.

— Тогда ты получишь паспорт и сможешь работать. Мне не нужно будет тебя содержать, — ответила мама, глядя так, будто я задала ей самый глупый из всех возможных вопросов.

— А если не смогу найти работу? Если захочу учиться в институте? — уточнила я, потому что

Все, что произошло в отеле

очень хотела поступить в институт. Ведь именно там я смогу заниматься тем, что мне нравится больше всего, — читать книги.

Мама пожала плечами. Мол, твои проблемы. Я-то тут при чем? Все, живи своей жизнью. Но пока мне пятнадцать, так что мама все еще меня содержит и терпит. Наверное, я должна быть ей за это благодарна.

Но благодарность не мешает мне считать родительницу... ну ей недостает образования, я бы так сказала. Нет, она не дура. По-своему, конечно. Но хотелось бы, чтобы она хотя бы пару-тройку книг из классической художественной литературы прочла. Может, что-то и откликнулось бы в ее душе, параллели бы какие-то сложились. На самом деле я знаю, что этого не случится никогда, но мне же как-то надо оправдать собственную мать? Читать она не любит. Говорит, голова начинает болеть. И почти сразу засыпает — ей скучно. Я подкладывала ей книги, надеясь, что она увлечется сюжетом, но все напрасно. Мама ни одну не открыла.

Не то чтобы она предпочитала женские журналы, разгадывание кроссвордов или sudoku. Буквы, любые, наводят на нее смертельную тоску. Наверное, в этом я тоже пошла в отца — меня как раз буквы завораживают. Читать, наслаждаясь аллегориями, игрой слов. Следить за развитием сюжета — как тут уснуть? Плакать над судьбами

Маша Трауб

героев, их участью. Возмущаться их поступками, действиями. Вскипать от несправедливости, жестокости. Я могла ночь прорыдать над книгой. Мама же считала, что я страдаю расстройством психики, о чем, к счастью, предпочитала молчать. Дочь-сумасшедшая ей точно была не нужна. И оставалось потерпеть всего ничего. До совершеннолетия.

С юмором у мамы точно беда. Ей нужно говорить «лопата» — в каком месте надо смеяться. И объяснять шутку. Ну например, совсем детский анекдот: «Блин, — сказал слон, наступив на колобка». Мама не понимает. Действительно, а что еще он должен был сказать? Если же анекдот имеет классическое начало: «Встретились на необитаемом острове русский, немец и американец...» — все, у мамы начинает закипать мозг. Она не может уследить за сюжетом. Про игры в слова не стоит и начинать. Анекдоты, предполагающие знание исторической подоплеки, точно нет. Но, зная за собой это качество, мама начинает смеяться заранее, чем, естественно, немедленно подкупает мужчин. У нее красивый залиvistый смех. Грудной, музыкальный. Она умеет смеяться заразительно и, надо признать, достаточно искренне. Так что поклонник начинает немедленно считать себя как минимум стендапером. Как Пашечка, который мнит себя еще и поэтом, складывая рифмы на уровне «жопа — опа, циклопа — телескопа» или

Все, что произошло в отеле

«сиськи — сосиски, альпинистки, анархистки, редиски...» Впрочем, мама с тем же восторгом и неизменным грудным смехом восхищалась шутками представителей старшего поколения. Так было с Иваном Петровичем, ее бывшим воздыхателем, предпочитавшим шутки на уровне ширинки. Повторять я это не буду в силу возраста. Мне такое не то что повторять, слышать еще не положено.

Маму считали не просто хохотушкой-дурочкой, а женщиной с прекрасным чувством юмора.

Когда родительница никак не отреагировала на мою татуировку, попросту ее не заметив, я подумала, что надо было сделать пирсинг. Проколоть нос, например. Или разрезать язык. Но, во-первых, я знаю, что такое селф-харм, во-вторых, не идиотка, чтобы считать себя девушкой-змеей. Это лечится. А вот идиотизм точно нет.

Было ли мне обидно? Конечно, да. Я ведь живой человек. Конечно, мне хотелось привлечь внимание собственной матери любым доступным способом. В конце концов, я ведь подросток, так что имею полное право на самовыражение. Но я прекрасно понимала мамины интересы. Вот если бы я вдруг вставила себе импланты в грудь, желательно размера третьего, она бы точно заметила. Но на грудь денег у меня не было, а татуировки-переводилки стоили недорого.

Мама использовала меня в личных целях. Когда ей требовалось, она говорила, по-дурацки хихикая

Маша Трауб

(господи, так даже пятиклассницы уже не смеются), что она — мать взрослой дочери. И наслаждалась восклицаниями: «Как?», «Не может быть!» Иногда демонстрировала меня в качестве доказательства.

— Совсем на вас не похожа! — восклицали посторонние люди, и маме опять это льстило. Впрочем, это было чистой правдой, если говорить о внешнем сходстве. Ничего общего, ни единой черты. Глядя на нас, можно было смело верить в истории о том, как детей путают в роддоме. Наверное, я уж слишком пошла в отца и его род. А отец, судя по всему, был высоким, поджарым, смуглым и темноволосым.

— У нее мои брови, — отвечала, по-прежнему хихикая, родительница, считая это лучшей шуткой из всех возможных.

Мама — классическая блондинка. Мелированная в стиле колхоз «Красный Октябрь». Нет, я не пытаюсь как-то ее унизить или посмеяться, я просто констатирую факт. Мама игнорирует моду, считая, что следует собственному стилю. В свои сорок шесть все еще косит под Мэрилин Монро. Крутит на плойке кудельки, рисует длинные стрелки, предпочитает мини-юбки, не замечая нависший в силу возраста жир над коленками.

— Мам, Монро умерла в тридцать шесть лет, — как-то заметила я.

— Что ты хочешь этим сказать? — возмутилась она, будто я ей сообщила о смерти любимой ба-

Все, что произошло в отеле

були. Впрочем, у нас никогда не было любимой бабули, да и нелюбимой тоже. Никого, о чьей смерти стоило бы сожалеть.

— Я хочу сказать, что тебе уже сорок шесть, а не тридцать шесть, — ответила я.

— Почему ты всегда такая злая? Я не была такой в твоём возрасте! — немедленно возмутилась родительница.

Мне хотелось сказать: да, мам, ты была тупой блондинкой. Но я опять сдержалась. Я же должна уважать собственную мать, правильно? Хотя на самом деле мне вообще не хотелось с ней общаться. Она разговаривала со мной так, будто я находилась или под тяжелыми наркотиками, или была бухая и потому непредсказуемая. И как ей объяснить, что мой наркотик — книги, а бухло — музыка? Что да, бывают подростки, которые не озабочены отношениями с противоположным полом, и не все оказываются беременны в шестнадцать, как рассказывают по телевизору. Более того, про противозачаточные средства, планирование беременности я в свои почти шестнадцать, кажется, знаю больше, чем моя сорокашестилетняя мать, которая регулярно трагическим голосом сообщала, что должна будет пойти «на это». «Опять». И заливалась слезами, будто случилась страшная трагедия, причем впервые в ее жизни. «Это» означало аборт. И я должна буду ее встретить, помочь добраться домой, принести чай,

Маша Трауб

грелку из морозилки на живот и всячески заботиться. «Это» у моей мамы происходило так часто, что я не знала, каким местом она вообще думает о своем здоровье.

— Мам, а нельзя как-то по-другому? Есть же средства... — не выдержав, спросила я.

— Ты меня поймешь, когда полюбишь. По-настоящему, — ответила она, заломив руки в стиле Мэрилин Монро.

Судя по количеству аборт, мама каждый раз по-настоящему любила, как в первый. Удивительное свойство на самом деле.

Мамин персональный стиль, которым она так гордится, включает татуированные брови, достигающие до висков, и наращенные ресницы. Но она никогда не знает меры и переусердствует во всем — и в татуаже, и в наращивании. Брови хочется немедленно смыть. А ресницы... Это не ресницы, а реснички. Опахала. В природе таких не существует. Но мама себе нравится, так что я стараюсь воздерживаться от комментариев.

Я уважаю современные технологии во всех видах, но человеку, который придумал наращивание ресниц, желаю попасть в ад, в самое пекло. И чтобы черти все время наращивали ему ресницы, размера икс, или икс-эль, или как там они называются. Каждый адов день. И чтобы этот новатор непременно моргнул в тот момент, когда нельзя, или клей попал в глаз. И чтобы он ходил по кори-

Все, что произошло в отеле

дорам ада, и все остальные шарахались — ресницы в виде паучьих лапок вызывают именно такую реакцию. Черти ведь не обязаны быть мастерами по наращиванию. Да, когда все искусственные ресницы отвалятся, пусть этот изобретатель останется со своими, родными, половина из которых отвалятся вместе с наращенными. Тогда он поймет, на что обрек меня. Мама без ресниц могла только рыдать. Она шарахалась от собственного отражения в зеркале. И я была обречена выносить мусор, ходить в магазин, в аптеку, пока она ждала записи на наращивание. Однажды встал выбор — купить мне новый рюкзак или сделать маме ресницы. Вы же понимаете, что перевесило чашу весов. Да перед ней и выбор не стоял! Ресницы против рюкзака. Даже смешно.

Почему я так подробно рассказываю о собственной матери? Для того чтобы вы поняли — тупая блондинка в возрасте имеет огромное влияние на психику. Причем коллективную. Она способна кого угодно довести до истерики. И именно она стала той самой обезьяной с гранатой в этой истории. Непонятно, чего от нее ждать. Моя мать в этом спец. Иначе почему я, ее дочь, сижу с тринадцати лет на антидепрессантах?

А это именно так, о чем моя мать не догадывается. За что, то есть за таблетки, огромное спасибо маме моей одноклассницы и лучшей подруги Ники. Нет, она не Вероника, как вы могли бы

Маша Трауб

подумать. Она Николь. А ее младшую сестру зовут Мишель. Коля и Миша. Их мать во время беременности, по всей видимости, тоже была не в себе. А чего еще ожидать от психотерапевта? Точнее, сначала мама Ники была обычным врачом-терапевтом, работала в районной поликлинике, а потом переквалифицировалась в психотерапевта, теперь, кажется, занимается арт-терапией. Не важно. Важно, что она сохранила рецептурные бланки, все время спрашивает у нас с Никой, не хотим ли мы сменить пол, нужно ли обращаться к нам «они», или вдруг мы считаем себя небинарными личностями. А может, мы испытываем влечение друг к другу? Нет? Елена Ивановна, так зовут маму Ники, смотрит на нас как на подопытных кроликов — с нескрываемым, исключительно научным интересом и некоторой брезгливостью. Но я уважаю ее за практическую жилку. Ну представьте, у нее больше подписчиков в соцсетях, чем у всех наших одноклассников, вместе взятых. И куча клиентов, готовых платить за сеансы. А сеансы у Елены Ивановны отличаются разнообразием и удивительной, просто прекрасной тупизной формулировок: «Как сделать так, чтобы время шло быстрее», «Как вести себя с людьми, которые вас не любят».

Как-то я неосторожно заметила, что Елене Ивановне пора ввести новые «как» в свой репертуар — как сварить яйца вкрутую или удалить

пятна с белых кроссовок. И даже не удивилась, когда на сайте Никиной родительницы появились новые рубрики. Надо отдать ей должное — с поправкой на психотерапию: «Как сварить яйца вкрутую и прокачать свое терпение», «Как удалить пятна с белых кроссовок, думая о хорошем». Ника, когда я искренне восхищаюсь ее матерью, закатывает глаза так, что мне становится страшно, — моя подруга мастерски овладела этим навыком, закатывая глаза так, что становятся видны белки.

У Ники своя детская травма, о которой ее мать-психолог даже не догадывается. Едва моей подруге исполнится восемнадцать, она твердо намерена сменить имя, фамилию и отчество. Я ее понимаю и поддерживаю как могу, хотя, как мне кажется, ей все же стоит попросить у матери рецепт на антидепрессанты. Если я — иногда говорящая тумбочка, то она — Николь Майклововна Шпоркина. Ее отца зовут Миша, Михаил, но Елена Ивановна тоже что-то читала во время беременности, поэтому Миша превратился в Майкла. И Ника получила отчество Майклововна, а не Михайловна. Ладно, моя подруга еще Николь Майклововна, но ее сестра за что страдает? Мишель Майклововна Шпоркина. Михалмихална? Фамилия, кстати, тоже говорящая. Елена Ивановна, в девичестве Романовская, менять фамилию на мужнину категорически отказалась. А дети, да, пусть страдают. С отцовской фамилией ходят. Елена Ивановна рассказывала,

Маша Трауб

что отец ее детей был удивительным, просто показательным скандалистом. Мог на пустом месте устроить истерику. Придирался ко всему — пыль на косяке входной двери. Не так заглажен воротничок рубашки. Не там стоят тапочки, не так сложены футболки, не та зубная паста, не тот вкус отварной картошки. Шпоркин мог жить только в состоянии скандала. Елена Ивановна говорила, что он был настоящим, классическим абьюзером. Если всем было хорошо, ему тут же становилось плохо, и он портил всем настроение придирадками. В день рождения, в другие праздники непременно закатывал скандал, после которого праздновать уже не хотелось. А он, довольный, требовал, чтобы все веселились и улыбались. Елена Ивановна каждый месяц давала Шпоркину повод для новых скандалов, требуя алименты. Он высчитывал копейки, желал видеть скрины чеков, вел жаркую переписку, попрекая «нецелевым расходом средств». Елена Ивановна, выторговав лишние сто рублей, ходила изможденная, но счастливая.

— Это как перепродажа. Маму уже три раза обманывали мошенники, но она не сдается. Продала мою куртку за пятьсот рублей. Очень собой гордится. А то, что куртка стоила пять тысяч, ей не важно. Такой способ развлечения, — рассказала мне Ника.

— Ты не скучаешь по отцу? — спросила я.

— Кого это волнует? Он же по мне не скучает... — призналась Ника, которая, в отличие от

Все, что произошло в отеле

младшей сестры, отца помнила, любила и нуждалась в нем. Но Елена Ивановна запретила встречи и каждый день напоминала, что девочки страдают из-за отца. Шпоркина. Будто ставила диагноз. А то, что сама вышла замуж за Шпоркина и родила двоих детей, так это не считается.

И вы еще сомневаетесь в том, что люди идиоты? А тупая блондинка мало чем отличается от дипломированного врача? Ничем не отличается, откровенно говоря, если судить хотя бы по данным нам, их дочерям, именам. Каждый самовыражается как может. Моя ресницы наращивает и подумывает о липосакции внутренней поверхности бедра, хотя я бы на ее месте отсосала жир в области жопы и живота. Но мою мать волнует именно внутренняя поверхность бедра. Кто-то из ухажеров остался недоволен именно той областью? Маньяк, не иначе... А Никина мать разрабатывает новые программы — объятия с деревьями, призывы к солнцу, карта желаний, модифицированная «поза трупа» из йоги, предполагающая полное расслабление. Елена Ивановна призывала лежать в шавасане не сорок минут, а минимум полтора часа, и именно тогда, по ее мнению, наступит полное расслабление, принятие, и один бог Шива знает, что еще может наступить. Она проводила эксперименты на нас, но мы с Никой засыпали на коврик, начинали кашлять и чихать после объятий с деревьями — у нас обеих обнару-

Маша Трауб

жила аллергия на цветение. А над остальными практиками просто ржали, не давая возможности Елене Ивановне записать наши ответы для подкаста, который та активно развивала.

Мама Ники выписывает мне рецепты на антидепрессанты, нам с Никой — противозачаточные таблетки, считая, что мы ведем бурную половую жизнь, хотя мы обе девственницы и в ближайшее время лишаться девственности не планируем. Про презервативы, кажется, Елена Ивановна не слышала и беременности боится больше, чем ЗППП. Ника уверяет, что ее мать вообще не в курсе такой аббревиатуры и до сих пор считает, что дочь может заразиться лишь сифилисом и тогда у нее отвалится нос. А так — лишь бы не было прыщей. Мама Ники очень боится прыщей. Ника говорит, что ее мать — большая идиотка, чем моя, но я готова с ней поспорить.

Моя мастерски владеет умением довести всех до истерики. И именно она виновата в этой истории. Я в этом убеждена. Помимо смеха без причины, считающегося таким милым, она способна округлять глаза — не хуже, чем Ника их закатывать, — и делать лицо в стиле «Шеф, все пропало». Или «На нас напали инопланетяне, и мы все умрем». Или «Ретроградный Меркурий наступает». Или «Многолуние! Спасайся, кто может!» Впрочем, за подобными заголовками лучше обратиться к Елене Ивановне. Она бы наверняка придумала

Все, что произошло в отеле

что-нибудь пострашнее для нового подкаста или психотерапевтического курса.

Я тоже виновата, конечно. Но представьте подростка, который изнывает — не от скуки, нет, от людей. Я не хочу общаться с окружающей действительностью, мне тяжело взаимодействовать с посторонними людьми. Елена Ивановна считает, что я классический интроверт. Но это не так. Я могу, но не хочу. Мне попросту неинтересно. А тут подвернулась такая история... Поначалу я воспринимала ее как некую забавную возможность развлечь Нику, страдающую от вынужденного и весьма плотного общения с собственной матерью. Но потом все пошло по-другому...

Эта история, можно сказать, изменила мое отношение если не ко всему миру и человечеству, то к отдельным людям уж точно. Что я поняла? Люди, самые неумные, злобные, с черной душой, способны совершить добрый поступок, благое дело. И никто, даже они сами, не могут объяснить, что именно толкнуло их на это — поступить правильно, порядочно. Почему вдруг слова ангела, деликатно присевшего на правое плечо, оказались действеннее слов дьявола, который давно вольготно развалился на левом. А еще я поверила в то, что самый нелогичный и неразумный человеческий поступок всегда имеет очень простое объяснение: любовь. Все совершается ради этого чувства. Мечь, ненависть, затаенная обида, сознательно

Маша Трауб

причиненное горе всегда начинаются с любви, которую предали. Вот так все просто на самом деле. Эта история — лишнее тому подтверждение.

Обычно я сижу в наушниках, но не слушаю музыку. Просто так положено. Если подросток сидит в наушниках, значит, все «ок» или «норм». Хотя меня просто бесит, когда взрослые люди возраста моей или Никиной мамы пытаются освоить подростковый сленг. Когда Елена Ивановна пишет мне в Ватсап: «Ты как, норм?» — меня так и подмывает ответить ей в книжной стилистике: «Благодарю Вас, глубокоуважаемая Елена Ивановна, за беспокойство. Мое душевное здоровье оставляет желать лучшего, но прописанные Вами микстуры и притирки заметно облегчили мое состояние...» и так далее. И обращение «Вы» — непременно с заглавной буквы. Но я прекрасно понимаю, что Елена Ивановна шутку не оценит, а назначит мне конскую дозу антидепрессантов или решит, что я нахожусь на грани самоубийства. Измучает вопросами ради нового подкаста. Так что мне проще ответить «ок», на что Елена Ивановна отправит смайлик, прекрасно зная, что я их ненавижу. Почему все считают, что шутку можно обозначить скобкой, а расстройство — обратной скобкой? Слов не хватает?

Ну мы-то с Никой как-то обходимся без эмодзи. Взрослые же справлялись с выражением

Все, что произошло в отеле

эмоций до появления рыдающих смайликов, эмодзи «рука-лицо» и прочих сердечек и цветочков? Письма на бумаге, в конце концов, писали, оперировали какой-никакой лексикой. А сейчас достаточно поставить эмодзи. По мне, так проще и лучше написать. Я рассказываю это для того, чтобы вы поняли, насколько у вас, взрослых, превратное представление о подростках. Да, пятиклашки обожают эмодзи, но к пятнадцати годам это проходит. Почти у всех. Не говоря о том, что бывают исключения, как, например, Ника и я, — мы обычные дети, а не вселенское зло. С нами не нужно разговаривать как с пациентами ПНД или полными дебилами. Мы с Никой сто раз говорили это Елене Ивановне, она кивала и немедленно записывала подкаст на тему: «Как разговаривать с трудным подростком?» Согласно ее профессиональному мнению — так, как разговаривают с людьми в острой стадии психоза. И даже если ребенок кажется нормальным и ласковым — это плохой знак. За этим обязательно последуют срыв с бросанием предметов в стену, участие в оргиях, побег из семьи и все самые страшные сюжеты, которые в состоянии придумать мать. А у Елены Ивановны очень богатое воображение.

Ну что остается делать нам с Никой? Я прошу еще один рецепт на таблетки и делаю вид, что пью энергетик. Хотя, если честно, предпочитаю кофе с большим количеством молока. Раф, например.

Но Елене Ивановне спокойнее, когда я держу банку с энергетиком и она рассказывает мне про его вред. Ника же иногда закатывает показательные истерики лишь для того, чтобы ее мать не начала подозревать у нее суицидальные мысли и болезненные фантазии. Истерить, плакать, орать на весь дом — норма, обычный спокойный подросток — не норма. Елена Ивановна уже все уши нам прожужжала про необходимый выплеск эмоций — мы ведь, как подростки с эндокринным дисбалансом, эмоционально лабильны. И про то, что это абсолютно, ну абсолютно нормально, и она как мать и врач спокойно и с огромным пониманием на это отреагирует. Меня так и подмывает спросить, а как можно реагировать не с огромным, а просто с пониманием? В чем будет разница?

Кстати, Елена Ивановна чересчур активно приветствовала нашу дружбу с Никой. Чуть ли не в ладоши хлопала, когда Ника просила разрешения пригласить меня в гости. Поначалу это было очень приятно, не скрою. А кому не приятна забота, безусловное принятие и принятие? Но потом Ника догадалась и честно объяснила мне — ее маме «нужен материал». Ника как дочь уже не очень подходила — Елена Ивановна говорила, что не может оперировать в работе лишь одним случаем, из которого, кстати, уже все соки выжала. И к родной дочери она не может «подходить с холодной головой», трезво оценивая ее поведение.

Все, что произошло в отеле

Я в этом смысле казалась ей более перспективным рабочим примером. Я же говорю, все всегда имеет самое простое и очевидное объяснение. В случае с Еленой Ивановной — работа психологом, подкасты, новая подопытная крыса, только и всего.

— Забей, — просила Ника. — Не обижайся на нее. Пока она в своих подкастах, от меня отстает. Я хоть могу выдохнуть. Хотя знаешь... иногда хочется сбить ее матрицу и разорвать шаблон. Сделать что-нибудь такое, чтобы она меня увидела, услышала, забеспокоилась как мать о ребенке, а не как автор о персонаже. Она меня на подкасты уже разобрала, с самого младенчества, и сейчас страдает, что я не подбрасываю ей, как дрова в топку, новый материал — веду себя скучно и прилично.

Да, это как иногда нестерпимо хочется высунуть язык, прямо под сверло, сидя в стоматологическом кресле. В последний раз я еле удержалась, чтобы этого не сделать. Елена Ивановна, конечно же, сочла бы это проявлением селфхарма — ну как сознательно наносить себе порезы. Это другое. Когда уже нет сил терпеть. И хочется, чтобы эта мутная боль, хотя и боли никакой нет после укола, наконец закончилась. Высунуть язык, дернуть головой, схватить за руку врача — не имеет значения. Лишь бы вынырнуть из состояния бессилия, полной зависимости, прикованности к креслу. Кресло можно заменить комнатой, квартирой, школой, городом — суть одна. Хочется все

Маша Трауб

это закончить в один момент, прямо сейчас. Пусть и ценой увечья.

— Да, мне иногда тоже хочется движухи, — хмыкнула Ника, когда я поделилась мыслями о зубном враче.

Ну можно и так это определить — движуха.

Так вот, о подростках. Если я сижу без наушников, а, например, с книгой, да еще и толстой, окружающие считают, что я если не больная, то не в себе точно. Совсем не ок. Почему? Потому что большинство современных подростков сидят в наушниках. А еще одеваются в худи или в толстовки с капюшоном, непременно натянутым на голову или на бейсболку так, чтобы даже глаз не было видно. Так что мне проще нацепить наушники, на голову — капюшон, и тогда к тебе вообще никто не подойдет. Наушники у меня так себе, не шумодавилки, я все слышу. И вижу, кстати, тоже если не почти все, то многое. Я — предмет интерьера, меня никто не замечает, считая, что перед ними сидит не одна обезьяна, а сразу три в одном лице — ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу. Поговорить о том, что случилось, мне было не с кем. Оставался только эпистолярный жанр. Ника уехала на дачу к бабушке, где Елена Ивановна, оперируя ее лексикой, «прорабатывала» собственные травмы детства. Нику отправляли на огород — собирать картошку, малину, смородину. Бабушка считала, что внучка любит малину и смородину,

а она их терпеть не могла. Ника присматривала за младшей сестрой, которая находилась в том счастливом возрасте, когда радуется старому ржавому велосипеду, пойманная гусеница или забредший на участок ежик. В той деревне связь была так себе, что неизменно беспокоило Елену Ивановну и младшую сестру Ники Мишу, которой еще больше не повезло с именем, чем старшей сестре. Впрочем, Ника упорно называла сестру Машей, чему та была только рада. И именно так всем и представлялась при знакомстве. Елена Ивановна записала несколько подкастов на тему неприятия ребенком собственного имени. Один из них набрал больше двухсот просмотров, чем Елена Ивановна очень гордилась. Так вот, она считала, что плохо работающий вай-фай, вне всякого сомнения, пойдет на пользу ее старшей дочери. И избавит ту от зависимости. Какой? Разве вы не знали? Все подростки, как считается, зависимы от социальных сетей, чатов, и у них начинается ломка, как у наркоманов, если они не получают доступ к интернету. Ника пыталась объяснить маме, что ломка у нее может начаться, лишь если ее лишит блокнот и карандаш. Тогда она не сможет рисовать свои любимые аниме. Ника предпочитала кодомо-стиль. Ее рисунки — наивные, добрые — очень нравились Мише-Маше. Впрочем, моя подруга практиковалась и в стиле чиби, где взрослые люди выглядят как дети, что, с моей точки зрения, абсолютное отражение дей-

Маша Трауб

ствительности. На разных платформах Ника искала мастер-классы, новые стили рисования, а уж никак не переписывалась с маньяками, выдающими себя за маленьких девочек, чем пугала нас Елена Ивановна. Послушать ее, так за каждой новой подружкой непременно скрывался извращенец.

С другой стороны, Елена Ивановна сама страдала от плохого вайфая, поскольку не могла выкладывать подкасты и отвечать на вопросы благодарных поклонников. Вот у кого имелась зависимость, так у нее точно. По рассказам Ники, ее мама готова была на крышу залезть, чтобы подключиться к Сети, или ехать на велосипеде в ближайший городок, где вайфай хоть и не летал, но хотя бы стабильно имелся. Миша-Маша если и страдала от отсутствия интернета — она любила смотреть на планшете мультфильмы, — то не так чтобы сильно. Живые бабочки, червяки, жуки и две курицы — Зойка и Надька — вполне конкурировали с фиксиками и смешариками. Бабушка Ники и Миши-Маши ни во что не вмешивалась. Она не считала, что сеть 5G влияет на мозг и зомбирует людей. Хотите, ставьте... этот ваш... роутер-роутер. Но выгоды лично для себя не видела, так что занимала нейтральную позицию. Елена Ивановна же никак не могла соотнести плюсы и минусы установки роутера, поэтому много лет все оставалось без изменений. Ника заранее закачивала для сестры мультфильмы, себе — мастер-

Все, что произошло в отеле

классы, предоставляя матери возможность сидеть на крыше или ехать в ближайший городок.

То есть вы понимаете, что я не могла в любой момент позвонить подруге и рассказать ей о произошедшем. Чему, не скрою, была даже рада. Мне хотелось насладиться ситуацией, придумать, как потом преподнести историю. Нике, как мы и договаривались, я писала длинные сообщения. Она не всегда получала их сразу, что давало мне время сформулировать мысли. Если события развивались слишком быстро, я удаляла уже посланное, но еще не прочитанное сообщение, чтобы написать новое, со свежими подробностями. Мне нравилось представлять, как все бы происходило в прошлые времена... Девушка написала подруге по пансиону, что ее возлюбленный подобрал брошенный платок, а уже в следующем письме она оказывалась обманутой, опозоренной, брошенной и непременно беременной. Или она сообщала, что ее отсылают к дальним родственникам, где у нее не будет возможности отправить письмо, и заливала бумажный лист горькими слезами прощания — и с любимой подругой, и с собственной молодой жизнью, которая непременно угаснет в глуши. Ведь ничего, кроме смерти от невыносимой тоски и одиночества, ждать не приходится. А уже в следующем послании девушка объявляла, что встретила свое счастье, и прилагала приглашение на свадьбу, которая, судя по дате, состоялась

Маша Трауб

месяц назад. Письма тогда редко поспевали за событиями. Что, если рассудить, не так уж и плохо. Скончалась любимая тетушка? Пока шло письмо, тетушку успевали похоронить, поделить наследство и благополучно о ней забыть. Удар имел, так сказать, отсроченное действие. Не так, как если узнать о смерти сразу же, когда горе вдруг обрушивается на голову, рыдания душат несколько дней и сон никак не приходит. А так оставалось лишь утереть жалкую слезинку, и все — жить дальше. Письма приходилось ждать неделями, месяцами. И за время ожидания придумать развитие сюжета истории, испугаться, порадоваться, восхититься, испытать ужас... да все возможные эмоции. Ожидание — чистая литература, простор для воображения, мечта для любой творческой личности. Сюжетом ведь движут не события, а именно их отсутствие. Когда можно придумать любой финал. Мне всегда нравились открытые финалы — без хеппи-энда, без очевидных развязок. Я еще не знала, каким будет финал этой истории. Когда ты проживаешь историю на страницах книги — одно, когда становишься ее частью — совсем другое. В реальности очень хочется хеппи-энда. До отчаяния. И нет ничего хуже открытого финала, когда не знаешь, чем все закончилось.

С той самой истории я начала по-другому читать книги, особенно их окончание. И вдруг поняла, что открытых финалов не существует

Все, что произошло в отеле

в принципе. Авторы не оставляют историю без развязки. Другое дело, что «люди читают жопой». Так говорит наша учительница литературы, за что я ее уважаю. Вера Владимировна искренне страдает от сочинений по «Капитанской дочке», «Тарасу Бульбе». А когда задает выучить наизусть сцену у дуба Толстого, у нее сводит скулы. Она эту сцену больше слышать не может. Но на уроках, посвященных дополнительному чтению, зарубежной литературе, наша Вера Владимировна прямо расцветает. Она может бесконечно пересказывать «Сагу о Форсайтах», она смотрела все современные экранизации «Ромео и Джульетты», «Анны Карениной». И именно на этих уроках, требуя от нас анализа, выводов, пересказа чувств, твердит, что «мы читаем жопой», а на самом деле... Вера Владимировна ходит по классу, активно жестикулирует, иногда может сбить цветок, стоящий на подоконнике, или снести чей-то учебник с парты, но это никому не мешает. Все слушают, стараясь не пикнуть. И да, она права. Люди не только читают жопой, но и слушают так же. У подростков зрение и слух обострены. И именно поэтому мы видим и слышим больше взрослых.

Эта история началась с того, что мама решила поехать в пансионат, настояв, чтобы я отправилась с ней, хотя до этого прекрасно обходилась без моего сопровождения. Кажется, в этот раз, как,